

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(4): 1605-1614
 DOI: 10.13187/bg.2024.4.1605

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Socio-Economic Development of the Black Soil Village in the XIX – early XX centuries: from the Prosperous Granary of Pre-Reform Russia to the Demo-Ecological Crisis of Rural Settlements

Nikolay A. Zhirov ^{a, *}

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

The article examines the economic and demographic evolution of rural settlements in the Black Earth Center of Russia in the 19th and early 20th centuries using the example of Orthodox parishes in the village of Dankovo in the Voronezh Region and the villages of Navesnoye and Panikovets in the Oryol Provinces. Particular emphasis is placed on their historical path from an insufficiently developed and sparsely populated region to a fully developed territory with signs of agrarian overpopulation and a crisis in agriculture (demoecological crisis). The main methodology of the work consists in a comprehensive study of the material of the main archives of the Russian Federation: (RGADA, Moscow) and St. Petersburg (RGIA), as well as in the regional archives of Voronezh (GAVO), Orel (GAOO) and Lipetsk (GALO). Traditional scientific methods (comparative-historical, system analysis, structural approach, etc.) were used in the study of archival documents. Thanks to the use of mathematical and statistical methods, a wide layer of historical information was processed, expressed in tables, diagrams, etc. The main conclusion put forward is that in the second half of the 19th century the area under study was transformed into a developed agrarian region, but the preservation of old farming methods and agricultural technology with limited natural resources, combined with high population growth rates, resulted in a demographic and ecological crisis. An attempt to overcome the negative trends of the turn of the 19th and 20th centuries through agrarian reforms turned out to be of little use. This occurred for a number of objective reasons, for example, the rapid natural increase in the village population with limited quotas for peasant resettlement, i.e., it was physically impossible to satisfy the villagers' needs for land. In addition, external factors played a role, primarily the First World War, when agrarian reforms came to naught and did not allow solving problems in an evolutionary peaceful way. And the events of 1917 and the subsequent Civil War finally changed the usual course of life in the black earth village.

Keywords: peasantry, historical settlements, Chernozem region, demographic factors, socio-economic development.

1. Введение

Первоначальное заселение и хозяйственное освоение Центрального Черноземья началось на рубеже XVI-XVII вв., и до XVIII в. эти процессы были осложнены приграничным характером данной территории. Даже после строительства Белгородской Черты и смещения границ государства далеко на Юг продолжали сохраняться фронтальные особенности развития региона, например, неравномерное размещение населения и острая нехватка рабочих рук, в первую очередь, крестьян.

В течение XVIII в. произошли существенные изменения в социально-экономическом развитии Черноземья. Вследствие нескольких волн колонизации края со стороны крупных и средних землевладельцев-дворян, владевших десятками и сотнями крепостных крестьян, меняется социальный состав в сторону снижения доли первопоселенцев из числа служилых категорий населения, будущих

* Corresponding author

E-mail addresses: zhirov-nikolai@mail.ru (N.A. Zhirov)

одногодворцев и увеличения доли владельческих крестьян. Благодаря естественному приросту и внешней миграции шел динамичный рост численности жителей, расширялась сеть населенных пунктов, увеличивались площади под сельскохозяйственными угодьями.

К началу XIX в. Черноземье представляло собой хорошо освоенный регион Центральной России с растущим населением и динамично развивающейся местной экономикой, в основе которой лежало сельское хозяйство, а земледелие продолжало играть ключевую роль.

В течение XIX – начала XX вв. шло постепенное увеличение населения, но ресурсная база и хозяйственные методы продолжали оставаться неизменными, что неминуемо вело к аграрному перенаселению и кризису местной экономики, в основе которой лежало сельское хозяйство и переработка его продукции.

Динамика развития этих процессов имела общие принципы во всем регионе, но использование усредненных статистических данных не позволяет увидеть все нюансы и особенности, протекавшие на «низовом уровне» в рамках отдельных поселений и локальных исторических территорий. Микроисторические исследования глобальных процессов, реализуемые через призму демографической и социально-экономической составляющих, позволяют не просто зафиксировать изменения статистических данных, но и понять условия, в которых жили и действовали люди в прошлом.

Детальный анализ демографической истории трех сельских поселений и их исторической окружности в контексте модернизации аграрного общества в XIX – начале XX вв. позволило получить ценный опыт совмещения методов масштабной исторической демографии с приемами новой локальной истории.

2. Материалы и методы

Исторические методики, которые были использованы в исследовании, обусловлены поставленными задачами и направлены на получение важных информационных данных историко-демографического плана, необходимых для осмысления социально-поведенческой, хозяйственной и материальной истории черноземной деревни XIX – начала XX вв.

Основная методика работы заключена в комплексном изучении материала основных российских архивов: Российского государственного архива древних актов (Москва, Российская Федерация) и Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация). Также были использованы материалы региональных архивов: Государственного архива Воронежской области (Воронеж, Российская Федерация), Государственного архива Орловской области (Орел, Российская Федерация) и Государственного архива Липецкой области (Липецк, Российская Федерация). Основными источниками данной работы стали материалы экономической статистики Российской империи – «Экономические примечания к планам Генерального межевания» (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 245, 971, 972, 975, 976, 994), демографическая статистика империи (РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 309; Оп. 11. Д. 1551), статистика и делопроизводственная документация по местному землевладению и землепользованию, переселенческому движению и т.д. Особое место в работе занимает пласт материалов церковного учета населения исследуемых приходов, который позволил изучить социальную структуру местного социума и протекавшие в нем демографические процессы.

В исследовании архивных документов были использованы традиционные научные методы (сравнительно-исторический, системный анализ, структурный подход и проч.). Благодаря использованию математических и статистических методов был обработан широкий пласт исторической информации, выразившейся в таблицах, диаграммах и т.д.

Статистика и методика работы с этим историческим источником позволила проследить динамику развития исследуемых сельских поселений в демографическом и социально-экономическом ракурсах. Методы, присущие социальной истории (анализ и синтез, обобщение), были обусловлены необходимостью изучения социальных институтов русской деревни исследуемого периода.

Сравнительный метод также имеет важнейшее значение для анализа процесса эволюции структуры социальной организации населения исследуемого региона. Очевидно, что жизнь людей в разные эпохи отличалась, а значит, отличались и формы их социального поведения. Представленные методы и подходы хорошо зарекомендовали себя в предыдущих исследованиях архивного материала XVII – начала XX вв., поэтому широко использовались и в данном случае.

Используемая методология новой локальной истории позволила выйти за условные рамки административных границ изучаемых поселений к пониманию их истории как части изменений, происходящих в окружающем их пространстве, не только ландшафтно-географическом, но и социокультурном, связанном с изменением исторических условий и среды.

3. Обсуждение

Вопросы социально-экономического и демографического развития черноземной деревни, в том числе судьба однодворческого населения, а впоследствии и государственного крестьянства Российской империи, неоднократно поднимались как дореволюционными, так и советскими исследователями. Наиболее обширен список работ советских историков, посвященных, в первую очередь, крестьянскому хозяйству империи (Анфимов, 1980: 146-211; Дружинин, 1946: 54-127),

а также демографическим процессам на общегосударственном и региональном уровнях (Водарский, 173: 48-85; Кабузан, 1963: 25-68; Кабузан, 1989: 54-63; Рашин, 1956: 33-59). Однако в этих монументальных трудах не освещались региональные особенности, история локальных территорий, не использовался микроисторический подход в изучении повседневности.

В постсоветский период стали появляться исследования, посвященные региональной тематике, в области демографического развития отдельных территорий Российской империи, в том числе и Черноземья (Есиков, Канищев, 2001: 16-23; Чернова, 2016: 32-35; Hoch et al., 1996: 89-91). При этом продолжают появляться монументальные работы как по социально-экономическому развитию российской деревни, так и по демографическим процессам в среде сельского населения (Жуков и др., 2011: 13-178; Милов, 1998: 24-187; Миронов, 2016: 58-406; Нефедов, 2005: 31-458).

К теме социальной организации однодворческой деревни Центрального Черноземья обращались и зарубежные исследователи. Например, американский историк Б. Девис отмечал, что однодворцы жили большими коллективными хозяйствами вследствие необходимости организации ввода и обработки целинных земель в условиях обороны от постоянных набегов степняков (Davies, 2004: 118-119). В исследовании Джона Бушнелла (Бушнелл, 2020) был широко применен опыт изучения локальной истории, что становится новым трендом в современной историографии, все больше применяемым зарубежными и отечественными исследователями.

4. Результаты

Демографическое и социально-экономическое развитие Центрально-черноземного региона России на примере трех исторических поселений – Воронежской (с. Данково) и Орловской (с. Навесное, с. Паниковец) – в XVII-XVIII вв. было подробно рассмотрено в предыдущих исследованиях автора и коллег (Жиров, Ляпин, 2023: 432-450). И, прежде чем приступить к изложению дальнейшего исторического пути этих сел в XIX – начале XX вв., остановимся на основных моментах ранней истории населенных пунктов.

Все исследуемые поселения появились в XVII в., и первоначальная их судьба была связана с колонизацией лесостепного пространства Юга России в рамках расширения границ государства и освоения «Дикого поля», сопряженного с борьбой против степняков, постоянно вторгавшихся в пределы России и разорявших окраины страны. После строительства Белгородской черты в середине XVII в. наступает период относительно спокойной жизни для местного населения, изначально представленного служилыми людьми с незначительной долей крестьян и иных групп населения.

В первой половине XVIII в. произошли радикальные изменения в социальной структуре местного общества. Большая часть служилого населения превратилась в однодворцев, незначительная группа стала помещиками, преимущественно мелкопоместными. Доля крестьян была незначительной. Во второй половине XVIII в. начался процесс раздачи земли дворянам из всей Российской империи, которые, в свою очередь, стали заселять свои земли крестьянами.

В ходе изучения массовой документации фискального характера, в том числе демографической, по Воронежскому, Елецкому и Ливенскому уездам (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 245, 971, 972, 975, 976, 994) были получены ценные сведения о социальной структуре местного сообщества, об экономическом развитии данных территорий, о характере освоения региона и т.д. Более детально итоги развития территории за два столетия рассмотрим на примере Елецкого уезда.

К началу XIX в. в Елецком уезде (без городских владений) земельный фонд выглядел следующим образом: пашенные угодья составляли 273 238 десятин (далее по тексту дес.), сенокосы и выгонная пастбищная земля – 74 441 дес., леса – 57 814, всей земли – 426 295 дес. (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972. Л. 670б.).

По материалам V ревизии 1795 г., численность населения уезда составила 92 925 человек, из них 36 335 однодворцев, 811 однодворческих и помещичьих крестьян – 52 463 человека мужского и женского пола. По сравнению с предыдущей ревизией 1782 г. население уезда увеличилось на 40 %, а средняя людность двора выросла с 7-8 до 9-10 человек (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 971).

Согласно подсчетам, распределение основных земельных угодий на один сельский двор было следующим: пашня – 26,25 десятин (на одного человека – 2,93 дес.), сенокос – 7,15 дес. (на одного человека – 0,8 дес.), лесные пространства – 5,55 дес. земли (на одного человека – 0,62 дес.).

На уровне отдельных сельских поселений ситуация была не везде однозначной, и в качестве примера приведем данные по даче с. Паниковец, в которую, кроме самого села, входили две владельческие деревни, Красная и Маланьино, возникшие во второй половине XVIII в.

Всей земли в данной даче значилось 2 105 дес., из них пашни – 885, сенокос – 61, лес – 1 088 дес. Однодворцев обоого пола – 414 человек, проживавших в 54 дворах (7,6 человек на один двор), владельческих крестьян – 353 в 34 дворах (10,4 человека на один двор) (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972. Л. 270б-28). К сожалению, источник не дает информации о площади владений однодворцев и частных владельцев, но, исходя из общих цифр, на один двор приходилось: пашня – 10 дес. (на одного человека – 1 дес.), сенокос – 0,7 дес. (на одного человека – 0,07 дес.), леса – 12,4 дес. земли (на одного человека – 1,3 дес.). В соседней деревне Локтево, входившей в приход с. Паниковец и составлявшей его историческую округу с начала XVII в., ситуация была немного иной: однодворцев в

14 дворах – 101 человек (7,2 человек на один двор), владельческих крестьян – 186 в 14 дворах (13,3 человека на один двор) (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 972. Л. 260б.-27).

На один сельский двор приходилось: пашня – 9 дес. (на одного человека – 0,9 дес.), сенокос – 1,5 дес. (на одного человека – 0,14 дес.), леса – 4 дес. земли (на одного человека – 1,2 дес.). Все угодья в данной даче были в дефиците, кроме лесов, принадлежащих казенному ведомству, его вырубка была ограничена.

Соотношение крестьянского и однодворческого населения Елецкого уезда к началу XIX в. изменилось по сравнению с рубежом XVII-XVIII вв. и стало 60 % на 40 %. Эти изменения в структуре местного социума являлись следствием покупки усадеб крупными землевладельцами в течение XVIII в., они были заселены владельческими крестьянами.

В первой четверти XIX в., согласно «Экономическому камеральному описанию Елецкого уезда 1832 г.», рост населения в уезде продолжался и, по ревизии 1816 г., без учета городского населения составил 115 913 человек. Таким образом, по сравнению с V ревизией численность жителей увеличилась на 20 % с темпами роста 1 % в год. Основной фонд земель оставался прежним с незначительными изменениями (ГАОО. Ф. 592. Оп. 2. Д. 69. Л. 88).

Исходя из материалов источника, видно, что и на уровне отдельных сел шел процесс роста жителей, и увеличивалась нагрузка на земельные ресурсы. В с. Паниковец с деревнями Красная и Маланьино по данным 7 ревизии числилось: однодворцев в 72 дворах – 459 человек (6,4 человек на один двор), владельческих крестьян – 486 в 59 дворах (8,2 человека на один двор) (ГАОО. Ф. 592. Оп. 2. Д. 69. Л. 510б.-52). Однодворческое население выросло почти на 10 %, а владельческое – более чем на 27 %, что указывает на возможный механический прирост крепостных крестьян у местных помещиков, но для более точного ответа требуется привлечение более широкого круга источников.

Фиксировалось уменьшение пашенных угодий по сравнению с концом XVIII в. с 885 до 785 дес. (возможно, это неточности подсчетов делопроизводителей или иные причины). В любом случае вследствие роста населения усугублялась ситуация с земельными угодьями. Пашня приходилась – 5,6 дес. на двор, сенокос – 0,06 дес., леса – 1,1 дес. земли.

Подобная ситуация возникала и в других поселениях исследуемого региона. Дача с. Навесное Ливенского уезда представляла собой значительную территорию, не разделенную к началу XIX в. на отдельные участки и не совсем ясно, каким количеством угодий владели частные лица и однодворцы, а также как выглядела эта ситуация в каждом конкретном населенном пункте. С другой стороны, этот факт дает представления об исторической округе с. Навесного, формировавшейся со второй половины XVII в. В течение второй половины XVIII в. из Навесного в рамках этой дачи выделились и образовали самостоятельные приходы села Гатище и Казинка, четыре деревни и пять владельческих сел. Во всех поселках в 289 дворах числилось 2 226 однодворцев и их крестьян 41 человек всех полов, а также 824 владельческих крестьянина в 94 дворах.

В даче значилось: пашни 16 125 дес., сенокоса 427 дес., лесов 622 дес., всей земли – 17 558 дес. (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 994. Л. 350б.-38). На один двор (однодворцев и помещичьих крестьян): пашня – 41 дес. (на одного человека – 5 дес.), сенокос – 1,1 дес. (на одного человека – 0,13 дес.), леса – 1,6 дес. земли (на одного человека – 0,2 дес.). Несмотря на то что пашня имелась в достатке, сенокосы и лесные пространства в данной даче имелись в дефиците, кроме того, нам неизвестна конкретная ситуация по отдельным поселкам и категориям населения.

Таким образом, к концу первой трети XIX в. в Паниковце сложилась негативная ситуация для дальнейшего развития хозяйства. Демографическая нагрузка на природные ресурсы существенно выросла, что неизбежно влекло обострение отношений как внутри общины, так и в отношении с местными землевладельцами в борьбе за землю и иные ресурсы. В округе с. Навесное ситуация была немного лучше, особенно с обеспечением пашней, но сенокосы и леса уже были в дефиците.

Освоенность Воронежского уезда в конце XVIII в. была недостаточной: из 406 256 дес. только 131 690 были под пашней или 32 %, под лесами – 22,4 %, а целинные земли составляли чуть менее половины площади уезда (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 246). Обилие неосвоенных пространств делало перспективным развитие земледелия и дальнейший рост населения уезда. Это наглядно демонстрировало с. Данково, в котором с 1770 по 1775 гг. произошел стремительный рост числа крестьянских дворов и жителей в них (с 106 до 149 дворов, с 399 до 667 человек (Мокшин, 2019: 31), что, возможно, было следствием миграции.

В конце XVIII – первой половине XIX вв. начался период осложнения отношений между местными корпорациями однодворцев и помещиками-дворянами в вопросе землепользования некогда общими владениями в рамках исторически сложившихся земельных дач, формировавшихся на протяжении XVII-XVIII вв. (Нечаев, 2021: 38-46). Земельные конфликты часто сопровождались судебными разбирательствами, иногда затягивавшимися на десятилетия. На примере с. Навесное Ливенского уезда и его исторической округи был обнаружен ряд судебных материалов, где однодворцы, вступая в тяжбы с местными помещиками, выступали коллективно, единым обществом (Жиров, 2023: 32-39). Практика самозахвата помещиками однодворческих земель в Черноземье не была обыденностью, что подтверждают материалы по Курской губернии. При этом однодворцы, как правило, выступали «единым фронтом» против произвола местных властей в решении поземельных

конфликтов, ощущая себя особой группой потомков служилых людей, за которых может заступиться только «царь», поэтому обращения в Сенат не были редкостью (Кулданов, 2024: 89-101). Конфликты стали учащаться по мере нехватки фонда наличной земли, на это указывают материалы судебных разбирательств (ГАОО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 576; ГАОО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 34; РГИА. Ф. 383. Оп. 11. Д. 12653). В них отмечалось, что на момент Генерального межевания (1777 г.) претензий со стороны однодворцев дачи с. Навесное к итогам размежевания земли не было, возникли они значительно позже, в основном после покупки земли дворянами в конце XVIII в.

В подавляющем большинстве конфликты шли в рамках бывшей единой служилой группы населения, которая со временем превратилась в однодворцев и частично выделилась в мелкопоместных дворян. Если пашенные угодья в основном были разделены еще в пору Генерального межевания земли, то сенокосы, лесные массивы продолжали использоваться совместно, и это порождало споры и прения. Специфика самоорганизации социума на локальном уровне шла в двух плоскостях – чисто экономическом, в виде отстаивания своих интересов в борьбе за землю, и в плане сплочения отдельных сословных и внутрисословных подгрупп, формировавшихся в рамках локальных исторических поселений на протяжении столетий.

Подтверждением этого тезиса является демографическое поведение местного социума на протяжении XIX в. Важным аспектом формирования общины являлись брачные традиции населения, и одним из главных критериев оценки выступал круг брачных отношений в рамках приходов исследуемых сел. Однодворцы в подавляющем большинстве женились в дореформенный период (первая половина XIX в.) на представителях своей группы точно так же, как и владельческое крестьянство. В рамках одного прихода эти сословия фактически не смешивались и были обособленными, на что указывают сведения из ревизских и метрических документов.

В ревизских сказках IV ревизии у однодворцев исследуемых поселков фиксировались место прежнего проживания и сословный статус вышедших замуж девушек. Например, в д. Пикалово, жители которой были выходцами из с. Навесное, был зафиксирован приток невест исключительно из однодворческой среды: «из с. Навесное пришли 11 девушек, 3 из с. Покровское, 3 из д. Круглой и 2 из д. Борки. Также в д. Пикалово переселялись из таких населенных пунктов, как г. Ливны, с. Волово и т.д.» (Мельникова, 2023: 119-121). Стоит заметить, что брачный «рынок невест» территориально был широким, и часть девушек проживала изначально на удалении от своего места замужества на 30 и более верст. Схожая ситуация наблюдалась в соседних поселках не только Ливенского уезда, но и Елецкого, в частности, в с. Паниковец (ГАОО. Ф. 760. Оп. 1. Д. 122). Не было отмечено ни одного случая, когда однодворцы брали бы в жены крестьянок.

Согласно метрическим материалам первой половины XIX в. прихода с. Навесное, количество браков между однодворцами и крестьянами ничтожно мало. За период 1830–1845 гг. было совершено более 200 однодворческих браков, и только в четырех случаях были взяты в жены владельческие крестьянки. В приходе с. Гатище за период 1812–1825 гг. из 213 однодворческих браков только два раза были взяты замуж вольноотпущенные крестьянки (ГАОО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 1752, 1780, 1802, 1804, 1805, 1806, 1807). Подобная ситуация изначально была характерна и для Богоявленского прихода с. Паниковец Елецкого уезда. Однако к концу 1840-х гг. браки между однодворцами и крестьянами становятся нередким явлением (ГАЛО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 440, 441).

Если в целом оценивать демографические процессы в исследуемых селах, то естественный прирост населения был везде положительным за счет высокой рождаемости. В приходе с. Паниковец за период с 1800 по 1861 гг. общий естественный прирост составил более 2 250 человек (ГАЛО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 440, 441). В приходе с. Навесное с 1835 по 1845 гг. прирост составил 349 человек. К сожалению, у нас нет подобных сведений по с. Данково, метрики сохранились только за начало XX в.

Важной вехой дальнейшего развития исследуемых поселений сначала стала реформа государственной деревни Киселева, а затем отмена крепостного права и последовавшие за ней преобразования российского села.

Процесс этот был сложным, на что указывают материалы по размежеванию дач с. Навесное (РГИА. Ф. 383. Оп. 12 Д. 12964) и Паниковец (ГАОО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 594).

В с. Навесное во время генерального межевания было отмежевано в дачу 17 578 дес. земли, а по указу 1804 г. была отмежевана однодворцам на число душ пять ревизии в 15 дес. пропорционально. Всего во владение будущих государственных крестьян было отведено 9 922 дес., то есть менее количества оказавшегося в действительном их владении и назначаемого им по полюбовной сказке на 1 718 дес. (РГИА. Ф. 383. Оп. 12. Д. 12964. Л. 14-14об.).

В ходе нового размежевания 1849-1850 гг. государственные крестьяне не соглашались на полюбовное межевание дачи по наличному владению и требовали по крепостям. Кроме того, жаловались на стеснение со стороны помещиков, которым земля досталась вдвойне на души и на крепости согласно решению уездного суда в 1809 г. В полюбовной сказке было назначено удобной и неудобной помещикам 6 169 дес. 1 128 саж гос. крестьянам 11 640 дес. Согласно последним измерениям, у помещиков и в личной собственности государственных крестьян было удобной 6 030 дес., у гос. крестьян – 11 481 дес. и неудобной – 159 дес. Всего в даче удобной – 17 657 дес., а в неудобной – 17 917 дес. земли (РГИА. Ф. 383 Оп. 12 Д. 12964. Л. 14-14об.).

Так как нарезки во всей даче сделаны к поселениям и в тех местах, где было прежнее владение, то Чертежная палата решила для удобства государственных крестьян незначительно изменить некоторые нарезки только у частных владельцев.

В даче с. Паниковец полюбовное размежевание земли было предпринято в 1844 г. и продлилось до 1851 г. Инициатива исходила от частных владельцев, которые желали «размежеваться в этой даче из через полостного владения к одним местам с принятием ко владению нашему удобной земли с угодьями того самого количества какое находится в действительном нашем владении или же следует по крепостям» (ГАОО. Ф. 82. Оп.1. Д. 594. Л. 2).

Не вдаваясь в подробности, так как документ очень большой (210 листов), и это тема для отдельного исследования, стоит обратить внимание на ряд проблем, которые не позволили провести быстрое размежевание. Во-первых, большая часть помещиков происходила из корпорации местных однодворцев, что подтверждается их крепостями на владение землей. В этих крепостях указывается на совместное владение лугами, лесами, выгонами и иными категориями земли. За более чем 250 лет существования поселения (на момент начала процедуры в 1844 г.) земли продавались, дарились, обменивались и т.д. Часть однодворцев владела землей по четвертному праву, например, государственные крестьяне Алексеевы из д. Алексеевки (ГАОО. Ф. 82. Оп. 1. Д. 594. Л. 2), а другая часть владела на общинных основаниях и делилась на число наличных душ. Количество земли, принадлежащей владельцам по документам, не соответствовало фактической как у помещиков, так и у однодворцев. В итоге размежевание почти зашло в тупик, помещики начали судебные разбирательства, появились конфликты с крестьянами.

Размежевание территории Паниковской дачи пришлось завершить, так и не решив некоторых вопросов, но по итогам государственные крестьяне с. Паниковец и его исторической округи лишились части принадлежавших им земель и по степени обеспеченности пашней и иными категориями земель не отличались от владельческого крестьянства. Возможно, поэтому во второй половине XIX в. наблюдался рост числа браков между владельческими крестьянами, помещичьими дворовыми и местными государственными крестьянами. Доля таких браков достигла к 1870-м гг. 1/3 и не менялась до конца регистрации таких групп населения вплоть до конца 1880-х гг. При исчезновении экономического фактора все остальные не играли важной роли, что позволяло формировать местный социум из разных слоев общества, исходя из объективной ситуации.

В середине XIX в. в Орловской губернии сохранялся экологический баланс между освоенными и не введенными в сельскохозяйственный оборот землями. Пашня составляла более 2,2 млн дес. земли или около 60 % площади. Такая же доля пашни была и в соседних черноземных губерниях, например, в Воронежской, но это значительно ниже, чем в старопашенных и освоенных ранее регионах Центральной России. В соседней Тульской губернии запашка превышала 70 % ее территории, и экологический баланс находился на грани допустимой нормы (Жиров, 2018: 52-57). На одного жителя Орловщины в среднем приходилось около 1,4 дес. пахотных угодий, что свидетельствовало о будущей нехватке земли при условии роста населения губернии.

В ходе отмены крепостного права повсеместно стали проводиться новые переделы земли между помещиками и их бывшими крестьянами, переходившими в статус временно обязанных. В округе с. Навесного располагалось сельцо Топское, фактически примыкавшее к селу. Согласно уставной грамоте местные крестьяне помещика Давыдова до обнародования положения пользовались примерно 580 десятинами земли или 4 дес. на одну мужскую душу. По закону размер тягла составлял три десятины. Земельный надел обязаны были получить 145 крестьян, таким образом, крестьянам причиталось 435 дес., а лишние 145 дес. должны были перейти в пользование владельца или выкуплены крестьянами в течение 20 лет (ГАОО. Ф. 36. Оп. 3. Д. 366. Л.20б.). То есть бывшие крепостные крестьяне были поставлены в более сложные экономические условия.

По итогам ревизии 1858 г. в с. Навесное было зарегистрировано 727 государственных крестьян мужского пола и по записи 1866 г. их надел составлял 3 228,5 дес. удобной и 120,1 дес. неудобной земли. То есть на одну мужскую душу приходилось в среднем 4,4 десятины удобной земли, что было немного больше, чем у бывших владельческих до отмены крепостного права. Кроме того, под лесом, находящимся у крестьян при селении, – 99,3 дес., но собственниками была лишь половина членов сообщества, а на семью в среднем приходилось не более одной десятины (ГАОО. Ф. 36. Оп. 2. Д. 426).

Рост демографической нагрузки в пореформенный период на природные ресурсы только увеличивался благодаря высокому естественному приросту населения. Согласно циркуляру МВД от 24 мая 1884 г. были собраны сведения о населенных местах и народонаселении по уездам Орловской губернии, в том числе по с. Навесное (РГИА. Ф. 1290. Оп. 4. Д. 309. Л. 9610). Всего в селе числилось по семейным спискам мужского пола 1 286 человек и 1 245 женского. Количество удобной земли на одну мужскую душу сократилось до 2,5 десятины. По материалам всероссийской переписи 1897 г. численность жителей с. Навесное не изменилась, что указывало на миграционный отток населения, вызванный нехваткой земли. В сельце Топском произошел небольшой прирост по сравнению с серединой XIX в. Мужчин числилось 160 (РГИА. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 1551. Л. 649). В среднем на одного человека приходилось 2,7 десятины удобной и неудобной земли, то есть примерно одинаково, как и у государственных крестьян.

В начале XX в. в черноземных уездах Орловской губернии пахотные угодья составили 85 % их территории, леса и сенокосы не превышали 4-5 %. Только 1/3 крестьянских хозяйств имела необходимое количество земли для сохранения правильного севооборота и не испытывали нужды.

Столыпинская реформа и аграрное переселение в Сибирь были нацелены на изменение ситуации в лучшую сторону. В аграрной миграции приняли участие более 130 тыс. селян, но около 1/3 не сумели закрепиться на новых местах и были вынуждены возвращаться домой, пополняя ряды сельских бедняков (Жиров, 2021: 147).

Аграрное перенаселение Черноземья к началу XX в. стало объективной реальностью, обусловленной естественными причинами. Естественный прирост жителей во второй половине XIX – начале XX вв. продолжал оставаться высоким во всех исследуемых поселениях. Например, в приходе с. Паниковец ежегодно в среднем число новорожденных превышало умерших на 50 человек, в приходе с. Навесное – более 80 человек, а в приходе с. Данково – более 70 человек (ГАВО. Ф. И 331. Оп. 4. Д. 288, 289). Столыпинская реформа должна была исправить ситуацию, но, к сожалению, не могла удовлетворить потребности всех желающих переехать (Жиров, 2021: 140-149). Крестьяне, как государственные, так и бывшие владельческие, заняли активную позицию по выходу из общины в отруб и хутора (ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 5, 35, 87, 88, 89), что отмечено в поселках Навесненской и Паниковской округи, в том числе приобретали землю в собственность через Крестьянский поземельный банк (ГАОО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 39).

К 1915 г. население Орловской губернии увеличилось по сравнению с 1900 г. на 15 % и составляло 2,3 млн человек. Это произошло из-за высокого естественного прироста населения, и даже аграрная миграция не смогла существенно снизить эти темпы. Итоговым следствием роста населения стало увеличение демографической нагрузки в сельской местности, так как урбанизация шла медленно и не могла поглотить лишние рабочие руки из аграрного сектора.

Начавшаяся Первая мировая война изменила привычный ход жизни в черноземной деревне. Создание отрубных и хуторских хозяйств заметно снизило темпы, а переселение в Сибирь было фактически остановлено, что могло принести негативные последствия.

5. Заключение

Современное Черноземье представляет собой развитый хозяйственный регион, состоящий из пяти областей Центральной России. До начала XVII в. эти территории не были введены в хозяйственную деятельность. Только после строительства Белгородской Черты стало возможно заселение и освоение этих пространств, продолжавшееся в течение XVIII в. В этот период произошли позитивные изменения в социально-экономическом развитии Черноземья благодаря колонизации края со стороны крупных и средних землевладельцев-дворян, владевших десятками и сотнями крепостных крестьян. Вследствие этого меняется социальный состав в сторону снижения доли первопоселенцев из числа служилых и увеличения доли владельческих крестьян. Благодаря естественному приросту и внешней миграции шел динамичный рост численности жителей, расширялась сеть населенных пунктов, увеличивались площади под сельскохозяйственными угодьями.

В начале XIX в. территории Центрального Черноземья продолжали активно осваиваться, и хозяйственное освоение еще не приблизилось к логическому завершению. Экономика региона сохраняла аграрный характер с небольшой долей промышленного производства, преимущественно переработкой продукции местного сельского хозяйства. Остатки целинной лесостепи были окончательно введены в хозяйственный оборот к середине XIX в.

В пореформенный период происходит резкое сокращение лесных пространств, сенокосных и выгонных угодий пропорционально росту пашни. Это было связано с существенным естественным приростом населения. Соотношение доли однодворцев, а впоследствии будущих государственных крестьян и владельческих крестьян, к середине XIX в. в исследуемых уездах Черноземья достигло пропорциональных значений – 40 % на 60 % – и сохранялось без существенных изменений вплоть до конца существования Российской империи.

Высокие темпы прироста населения позволили еще в дореформенный период освоить в хозяйственном отношении эти пространства, и во второй половине XIX в. черноземные губернии превратились в хлебную житницу Российской империи, густонаселенную, с полностью распаханым фондом некогда целинных лесостепных пространств.

В начале XX в. стали проявляться признаки аграрного перенаселения региона, в том числе в рамках исследуемых исторических поселений. Столыпинские аграрные преобразования, особенно переселение крестьян за Урал в Сибирь и на Дальний Восток, затронули местных жителей. Значительная часть обедневших крестьян хотела переселиться на новые территории, но продолжавшийся естественный прирост населения и недостаток выделяемых квот на переселение не позволяли удовлетворить потребности жителей.

В итоге во второй половине XIX в. происходит превращение исследуемой местности в развитый аграрный регион. К сожалению, сохранение старых методов ведения хозяйства при ограниченных природных ресурсах в сочетании с высокими темпами прироста населения вылились в демоэкологический кризис. Эту негативную тенденцию, возможно, можно было бы преодолеть путем

начавшихся аграрных преобразований, но внешние факторы, в первую очередь, Первая мировая война, изменили привычный ход жизни в черноземной деревне, не позволив решить проблему эволюционным мирным путем.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №23-28-00400) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

Литература

- Анфимов, 1980** – *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. Москва: Наука, 1980. 239 с.
- Бушнелл, 2020** – *Бушнелл Дж.* Эпидемия безбрачия среди русских крестьянок с. Спасовки в XVIII–XIX веках. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 416 с.
- Водарский, 1973** – *Водарский Я.Е.* Население России за 400 лет. Москва: Просвещение, 1973. 161 с.
- ГАВО** – Государственный архив Воронежской области.
- ГАЛО** – Государственный архив Липецкой области.
- ГАОО** – Государственный архив Орловской области.
- Дружинин, 1946** – *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Москва: Изд-во Акад. Наук СССР. 633 с.
- Есиков, Канищев, 2001** – *Есиков С.А., Канищев В.В.* Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо- и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860-е – 1920-е гг.) / *Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Мат-лы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.* Вологда: Русь, 2001. С. 16-23.
- Жиров, 2021** – *Жиров Н.А.* Аграрная миграция крестьянства губерний Центральной России в конце XIX – начале XX вв. по документам Государственного архива Орловской области // *Вестник архивиста.* 2021. № 2. С. 440-449.
- Жиров, 2023** – *Жиров Н.А.* Конфликты и тяжбы между однодворцами и помещиками Орловской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв. // *История: факты и символы.* 2023. № 4 (37). С. 32-41.
- Жиров, 2018** – *Жиров Н.А.* Особенности историко-географического положения Верхнеокского района в середине XIX в. (по материалам Орловской губернии) // *Гуманитарные и юридические исследования.* 2018. №2. С.52-57.
- Жиров, Ляпин, 2023** – *Жиров Н.А., Ляпин Д.А.* Эволюция социального поведения сельского общества Центрального Черноземья в XVII-XVIII веках // *Научный диалог.* 2023. Т.12. № 4. С. 432-450.
- Кабузан, 1963** – *Кабузан В.М.* Народонаселение России в XVIII - первой половине XIX в.: По материалам ревизий. Москва: Наука, 1963. 157 с.
- Кабузан, 1989** – *Кабузан В.М.* Население Центрально-земледельческого района в конце XVIII – 50-х гг. XIX в. / *Историческая география Черноземного центра России (дооктябрьский период).* Воронеж, 1989. С. 54-63.
- Кудланов, 2024** – *Кудланов К.Б.* Влияние судебно-жалобной инициативы однодворцев на наказания чиновников Центрального Черноземья с начала XVIII по середину XIX века // *История: факты и символы.* 2024. № 1 (38). С. 89-101.
- Мельникова, 2023** – *Мельникова А.Р.* Динамика социально-демографического развития сельских поселений региона Центрального Черноземья в XVIII – первой четверти XIX вв. // *История: факты и символы.* 2023. № 3 (36). С. 115-126. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-115-126>
- Милов, 1998** – *Милов Л.В.* Великоорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. Москва: РОССПЭН, 1998. 573 с.
- Миронов, 2010** – *Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России. XVIII – начало XX века. Москва: Новый хронограф, 2010. 911 с.
- Мокшин, 2019** – *Мокшин Г.Н.* Из истории Хворостанского края. Село Данково в документах и материалах. Воронеж: издательство «Истоки». 492 с.
- Нечаев, 2022** – *Нечаев В.В.* Непризнанное сословие (однодворцы Центрального Черноземья в XVIII – начале XIX вв.) // *История: факты и символы.* 2022. № 2 (31). С. 92-107.
- Нечаев, 2021** – *Нечаев В.В.* Поземельные отношения однодворцев и их потомков с государством в Козловском уезде в XVIII-XIX веках // *Filo Ariadne.* 3. С. 38-57.
- Нефедов, 2005** – *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. 543 с.
- Рашин, 1956** – *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1814-1913 гг.). Статистические очерки / Под ред. С.Г. Струмилина. Москва: Госстатиздат, 1956. 352 с.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Чернова, 2016** – *Чернова В.И.* О семье однодворцев-переселенцев XIX в. по архивным материалам // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки».* 2016. № 1 (9). С. 32-35.

- Davies, 2004 – Davies L.B. State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.
- Hoch et al., 1996 – Hoch S.L., Kashchenko S., Mizis Yu. Project in Russian population history, 1700-1917: Preliminary results / *Data Modelling, Modelling history*. Moskow, 1996. Pp. 89-91.

References

- Anfimov, 1980 – Anfimov, A.M. (1980). Krest'yanskoe hozyajstvo Evropejskoj Rossii 1881–1904 [Peasant Economy of European Russia 1881–1904]. M.: Nauka. 239 p. [in Russian]
- Bushnell, 2020 – Bushnell, Dzh. (2020). Epidemiya bezbrachiya sredi russskih krest'yanok s. Spasovki v XVIII–XIX vekah [Celibacy epidemic among Russian peasant women of the village of Spasovka in the 18th-19th centuries]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 416 p. [in Russian]
- Chernova, 2016 – Chernova, V.I. (2016). O sem'e odnodvorcev-pereselencev XIX v. po arhivnym materialam [About the family of single-household settlers of the 19th century based on archival materials] *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 1(9): 32-35. [in Russian]
- Davies, 2004 – Davies, L.B. (2004). State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York, Palgrave Macmillan, 308 p.
- Druzhinin, 1946 – Druzhinin, N.M. (1946). Gosudarstvennye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva [State peasants and the reform of P.D. Kiseleva]. Moskva: Izd-vo Akad. Nauk SSSR. 633 p. [in Russian]
- Esikov, Kanishchev, 2001 – Esikov, S.A., Kanishchev, V.V. (2001). Estestvennye kriterii opredeleniya zashchitnosti krest'yanstva na mezo- i mikrosocial'nom urovnyah (Tambovskaya guberniya, 1860-e – 1920-e gg.). In Zashchitnoe krest'yanstvo Rossii v istoricheskoj retrospektive. Mat-ly XXVII sessii Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy [Natural criteria for determining the prosperity of the peasantry at the meso- and microsocial levels (Tambov province, 1860s – 1920s)]. Zashchitnoe krest'yanstvo Rossii v istoricheskoj retrospektive. Mat-ly XXVII sessii Simpoziuma po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. Vologda: Rus. Pp. 16-23. [in Russian]
- GALO – Gosudarstvennyj arhiv Lipeckoj oblasti [State Archives of the Lipetsk Region].
- GAOO – State archive of the Oryol region. [The Russian state historical archive].
- GAVO – Gosudarstvennyj arhiv Voronezhskoj oblasti [State Archives of the Voronezh Region].
- Hoch et al., 1996 – Hoch, S.L., Kashchenko, S., Mizis, Yu. (1996). Project in Russian population history, 1700-1917: Preliminary results. *Data Modelling, Modelling history*. Moskow. Pp. 89-91.
- Kabuzan, 1963 – Kabuzan, V.M. Narodonaseleniye Rossii v XVIII - pervoy polovine XIX v.: Po materialam reviziy [Population of Russia in the 18th - the first half of the 19th century: Based on the materials of revisions]. Moscow: Nauka. 157 p. [in Russian]
- Kabuzan, 1989 – Kabuzan, V.M. (1989). Naselenie Central'no-zemledel'cheskogo rajona v konce XVIII – 50-h gg. XIX v. [Population of the Central Agricultural Region in the Late 18th – 1850s]. *Istoricheskaya geografiya Chernozemnogo tsentra Rossii (dooktyabr'skii period)*. Voronezh. Pp. 54-63. [in Russian]
- Kudlanov, 2024 – Kudlanov, K.B. (2024). Vliyanie sudebno-zhalobnoj iniciativy odnodvorcev na nakazaniya chinovnikov Central'nogo Chernozem'ya s nachala XVIII po seredinu XIX veka [The influence of the judicial complaint initiative of one-courtyard people on the punishment of officials of the Central Chernozem region from the beginning of the XVIII-th to the middle of the XIX-th century]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 1(38): 89-101. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2024-38-1-89-101> [in Russian]
- Mel'nikova, 2023 – Mel'nikova, A.R. (2023). Dinamika social'no-demograficheskogo razvitiya sel'skih poselenij regiona Central'nogo Chernozem'ya v XVIII – pervoj chetverti XIX vv. [Dynamics of social and demographic development of rural settlements of the Central Black earth region in the 18th – first quarter of the 19th centuries]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 3(36): 115-126. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-36-3-115-126> [in Russian]
- Milov, 1998 – Milov, L.V. (1998). Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa [The Great Russian Plowman and the Peculiarities of the Russian Historical Process]. M.: ROSSPEN. 573 p. [in Russian]
- Mironov, 2010 – Mironov, B.N. (2010). Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii. XVIII – nachalo XX veka [Welfare of the population and revolutions in imperial Russia. XVIII – early XX centuries]. M.: Novyi khronograf. 911 p. [in Russian]
- Mokshin, 2019 – Mokshin, G.N. (2019). Iz istorii Hovorostanskogo kraja. Selo Dankovo v dokumentah i materialah [From the history of the Khvorostan region. The village of Dankovo in documents and materials]. Voronezh: Istok publishing house. 492 p. [in Russian]
- Nechaev, 2021 – Nechaev, V.V. (2021). Pozemel'nye otnosheniya odnodvorcev i ih potomkov s gosudarstvom v Kozlovskom uezde v XVIII-XIX vekah [Land relations of single-householders and their descendants with the state in Kozlovsky district in the 18th-19th centuries]. *Filo Ariadne*. 3: 38-57. [in Russian]
- Nechaev, 2022 – Nechaev, V.V. (2022). Nepriznannoe soslovie (odnodvortsy Tsentral'nogo Chernozem'ya v XVIII – nachale XIX vv.) [Unrecognized class (odnodvortsy Central Chernozem region in the XVIII – early XIX centuries)]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 2(31): 92-107. [in Russian]

- Nefedov, 2005 – Nefedov, S.A. (2005). Demograficheski-strukturnyj analiz social'no-ekonomicheskoy istorii Rossii [Demographic and structural analysis of the socio-economic history of Russia]. Ekaterinburg, 543 p. [in Russian]
- Rashin, 1956 – Rashin, A.G. (1956). Naselenie Rossii za 100 let (1814-1913 gg.) [Population of Russia for 100 years (1814-1913)]. Statisticheskie ocherki. Ed. S.G. Strumilin. Moscow: Gosstatizdat. 352 p. [in Russian]
- RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts].
- RGIA – Rossijskiy gosudarstvennyy istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archives].
- Vodarskiy, 1988 – Vodarskiy, Ya.E. (1988). Dvoryanskoe zemlevladienie v Rossii v XVII – pervoy polovine XIX v. [Noble landownership in Russia in the 17th – the first half of the 19th centuries]. M., Nauka, 300 p. [in Russian]
- Zhirov, 2018 – Zhirov, N.A. (2018). Osobennosti istoriko-geograficheskogo polozheniya Verhneokskogo rajona v seredine XIX v. (po materialam Orlovskoy gubernii) [Features of the historical and geographical position of the Verkhneoksky region in the middle of the 19th century (based on materials from the Oryol province)]. *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya*. 2: 52-57. [in Russian]
- Zhirov, 2021 – Zhirov, N.A. (2021). Agrarnaya migratsiya krest'yanstva gubernii Tsentral'noi Rossii v kontse XIX – nachale XX veka po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Orlovskoi oblasti [Agrarian Migration of Peasantry from Central Russia Gubernias in the late 19th – early 20th Century in Documents from the State Archive of the Oryol Region]. *Vestnik arkhivista*. 2: 440-449. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-440-449> [in Russian]
- Zhirov, 2023 – Zhirov, N.A. (2023). Konflikty i tyazhby mezhdru odnodvorcami i pomeschikami Orlovskoy gubernii v kontse XVIII – pervoy polovine XIX vv. [Conflicts and litigation between odnodvortsy and landowners of the Oryol province at the end of the XVIII – first half of the XIX centuries]. *Istoriya: fakty i simvoly*. 4(37):32-41. DOI: <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2023-37-4-32-41> [in Russian]
- Zhirov, Lyapin, 2023 – Zhirov, N.A., Lyapin, D.A. (2023). Evolyutsiya social'nogo povedeniya sel'skogo obshchestva Central'nogo Chernozem'ya v XVII-XVIII vekah [Evolution of social behavior of rural society of the Central Black Earth Region in the 17th-18th centuries]. *Nauchnyi dialog*. 12(4): 432-450. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-4-432-450> [in Russian]

Социально-экономическое развитие черноземной деревни в XIX – начале XX вв.: от процветающей житницы дореформенной России к демоэкологическому кризису сельских поселений

Николай Анатольевич Жиров ^{a, *}

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается хозяйственная и демографическая эволюция сельских населенных пунктов Черноземного центра России в XIX – начале XX вв. на примере православных приходов с. Данково Воронежской и с. Навесное и с. Паниковец Орловской губерний. Особый акцент сделан на их историческом пути от недостаточно освоенного и слабозаселенного региона к полностью освоенной территории с признаками аграрного перенаселения и кризисом в земледелии (демоэкологический кризис). Методика работы заключается в комплексном изучении материала основных архивов Российской Федерации: (РГАДА, Москва) и Санкт-Петербурга (РГИА), а также региональных архивов Воронежа (ГАВО), Орла (ГАОО) и Липецка (ГАЛО). В исследовании архивных документов были использованы традиционные научные методы (сравнительно-исторический, системный анализ, структурный подход и проч.). Благодаря использованию математических и статистических методов был обработан широкий пласт исторической информации, выразившейся в таблицах, диаграммах и т. д. В качестве основного вывода выдвинут тезис о том, что во второй половине XIX в. происходит превращение исследуемой местности в развитый аграрный регион, но сохранение старых методов ведения хозяйства и агротехники при ограниченных природных ресурсах в сочетании с высокими темпами прироста населения вылились в демоэкологический кризис. Попытка преодоления негативных тенденций рубежа XIX-XX вв. путем аграрных преобразований оказалась малорезультативной. Это происходило по ряду объективных причин, например, стремительный естественный прирост жителей села при ограниченности квот на крестьянское переселение, то есть удовлетворить потребности селян в земле было физически невозможно. Кроме того, свою роль сыграли и внешние факторы, в первую очередь, Первая мировая война, когда аграрные преобразования сошли на нет и не позволили решить проблемы эволюционным мирным путем. А события 1917 г. и последовавшей Гражданской войны окончательно изменили привычный ход жизни в черноземной деревне.

Ключевые слова: крестьянство, исторические поселения, Черноземье, демографические факторы, социально-экономическое развитие.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Zhirov-nikolai@mail.ru (Н.А. Жиров)